

DOI: 10.25178/nit.2018.3.9

ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ И ЛЕГЕНДЫ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ТУВЫ*

Антонина С. Донгак

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, Российская Федерация

TOPONIMIC LEGENDS OF SOUTH-EASTERN TUVA

Antonina S. Dongak

Tuvan Institute for Applied Humanities and Socioeconomic Studies, Russian Federation

В статье анализируется локальное своеобразие сюжетов и мотивов топонимических преданий Юго-Восточной Тувы: Тес-Хемского, Эрзинского и Тере-Хольского кожуунов (районов). Учитывается контекст этнокультурных связей тувинцев региона с монголами — жителями соседней Западной Монголии. Юго-Восточная Тува рассматривается как территория тувинско-монгольского двуязычия, которое составляет колорит его локальной культуры. Материалом послужили образцы легенд и преданий, изданные в различных сборниках тувинского фольклора, а также полевые записи совместной тувинско-монгольской научной экспедиции в Эрзинский кожуун Республики Тыва в 2011 г., в которой принимала участие автор.

В Юго-Восточной Туве проживают тувинские родоплеменные группы кыргыс, соян, чооду, среди которых с разной степенью распространен тувинско-монгольский билингвизм. Бытование монгольского языка у них сегодня является культурным реликтом.

The article analyses the local uniqueness of plots and motives in toponymic legends of south-eastern Tuva: Tes-Khem, Erzin, and Tere-Khol kozhuuns (rayons), also considering the context of ethnocultural contacts between south-eastern Tuvans and their Mongolian neighbors. South-eastern Tuva is a territory of Tuvan-Mongolian bilingualism which has become ingrained in local culture. The materials for the study are the legends published in various collections of Tuvan folklore, as well as field records of the joint Tuvan-Mongolian research expedition in Erzin district in 2011 wherein the author was involved.

* Статья является доработанным вариантом доклада, апробированного на I Сибирском форуме фольклористов, 7–11 ноября 2016 г., г. Новосибирск, Россия (см.: Донгак, 2016). / This is an expanded version of the paper presented at the 1st Siberian Forum of Folklore Studies, November 7-11, 2016, Novosibirsk, Russia (see Dongak, 2016).

Выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках работы над проектом № 17-04-00231/17-ОГОН на тему «Тибето-монгольские средневековые литературные памятники в фольклоре тувинцев (исследование, тексты, перевод)». / The article was written with financial support from the Russian Foundation for Basic Research as part of project titled "Tibeto-Mongolian Medieval Monuments of Literature in Tuvan Folklore: Studies, Texts, Translations" (Grant No. 17-04-00231/17-ОГОН).

Донгак Антонина Саар-ооловна — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора языка и монголоведения Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 4. Тел.: +7 (39422) 2-39-36. Эл. адрес: antdon@mail.ru

Dongak Antonina Saar-oolovna, Candidate of Philology, Leading Research Fellow, Department of Mongolian Studies, Tuvan Institute for Applied Humanities and Socioeconomic Studies. Postal address: 4 Kochetova St., Kyzyl, 667000, Russia. Tel.: +7 (39422) 2-39-36. E-mail: antdon@mail.ru

В локальной устной традиции Юго-Восточной Тувы бытуют легенды (тоолчургу чугаа — сказочное повествование), предания (тоогу чугаа — исторический рассказ) и устные рассказы (болган таварылга — былички). Среди них значительное место занимают рассказы, объясняющие происхождение названий разных географических объектов местности — топонимические предания. Им присущи следующие черты: отсутствие четкой композиционной структуры, одноэпизодность, локализация места и времени события, ссылка на конкретных свидетелей и участников, ориентированность на историзм и достоверность сведений. В ряде топонимических преданий одним из основных звучит мотив спора между тувинцами и монголами из-за территорий, пастбищных угодий, которые периодически происходили между кочевниками. Распространены сюжеты, повествующие о появлении названий местных гор — Улуг Хайыракан, Кыргыс-Тей, Кежеге и др.; об озерах — Төре-Хөл и Тере-Хөл.

Устные рассказы, примеры которых приведены, ценны тем, что передают древние названия многих географических местностей, гор, рек, озер и родовых кочевий Юго-Восточной Тувы, но и природных объектов, находящихся в настоящее время на территории другого государства, где они возможно уже забыты или переименованы. Потому фиксация таких преданий важна не только как устная история отдельных родоплеменных групп тувинцев, но и как показатель тесных исторических контактов приграничных районов Тувы и Монголии.

Ключевые слова: Тува; тувинский фольклор; тувинский язык; топонимика; топонимические предания; Юго-Восточная Тува; Эрзинский кожуун; Тес-Хемский кожуун; этнокультурные связи; Западная Монголия; Монголия; монгольский язык

South-eastern Tuva is inhabited by houses (clans) of Kyrgys, Soyan, and Choodu, all of which exhibit various degrees of Tuvan-Mongolian bilingualism. The use of Mongolian language amongst them is a cultural relic.

In oral tradition of south-eastern Tuvan legends (toolchurgu chugaa), historical narratives (toogu chugaa) and spoken stories (bolgan tavarylga) are widespread. Toponymic legends or stories explaining origin of names of various geographical places are a big part of them. Their typical features are absence of well-defined composition structure, a single episode, localization of place and time of the event, a reference to specific witnesses or participants, focus on historicism and authenticity of information. A common plot of toponymic legends involves a territorial argument between Tuvans and Mongolians about pasture grounds. Typical plots can be found in the legends of the origin of the names of local mountains Ulug-Khaiyakan, Kyrgys-Tei, Kezhege, etc; names of lakes Tore-Khol and Tere-Khol.

The toponymic legends covered in the article are important for the preservation of the ancient names of numerous geographical places, mountains, rivers, lakes and nomadic territories which now are located on the territory belonging to a foreign state where they have probably been forgotten or renamed. Recording such legends is important both for the oral history of some Tuvan clans and as an illustration of tight historical contacts in the borderlands between Tuva and Mongolia.

Keywords: Tuva; Tuvan folklore; Tuvan language; toponymics; toponymical legends; south-eastern Tuva; Erzin kozhuun; Tes-Khem kozhuun; ethnocultural contacts; Western Mongolia; Mongolia; Mongolian language

Введение

Известно, что жанровое своеобразие легенд, преданий и устных рассказов любого народа складывается в результате влияния природных условий и общественно-исторического развития. Наряду с этим, легенды и предания неизменно носят в себе также следы этнокультурных контактов народа с соседями. В данной статье ставится цель рассмотреть локальное своеобразие сюжетов и мотивов отдельных топонимических преданий Юго-Восточной Тувы, сложившееся в контексте этнокультурных связей населения данной

географической части Республики Тыва (Тувы) с населением Западной Монголии. Эти обе территории не просто граничат друг с другом, но и прошли общую историю. Еще с XIII в., когда в 1207 г. монгольские войска под командованием старшего сына Чингисхана Джучи завоевали «лесные народы» (так назывались в различных древних источниках племена, жившие на территории и в пределах современной Тувы и Саянских гор), они вошли в состав Великого Монгольского государства Чингисхана (История Тувы, 2014: 156). А начиная с XVII в. история Тувы была «теснейшим образом связана с возникшим на ее территории и в Северо-Западной Монголии государством Алтын-ханов и Джунгарией» (XVI — первая половина XVIII в.) (там же: 173). После разгрома императорским Китаем в 1755–1756 гг. Джунгарского государства, территория и население Тувы наряду с Монголией оказались под властью Маньчжурской династии Цин (там же: 190, 216), господство которой в Центральной Азии, включая Монголию и Туву, длилось в течение почти двух с половиной веков — со второй половины XVIII и до вплоть до начала XX в. (там же: 216–228).

Географически под Юго-Восточной Тувой принято считать территории Тес-Хемского, Эрзинского и Тере-Хольского кожуунов (районов) Тувы. Они граничат с Хувсугул, Завхан и Увс аймаками (областями) Монголии. Вся эта территория известна также как часть уникального биосферного заповедника — Убсунурской котловины (фото 1), объявленной ЮНЕСКО ценнейшей природной зоной, равно как и выдающимся памятником историко-культурного значения,

Фото 1. Указатель биосферного заповедника «Убсу-Нурская котловина». Фото Ч. Ламажаа, 2010 г.
 Photo 1. A roadsign for the Ubsu-Nur Hollow Biosphere Reserve, photo by Ch. Lamazhaa, 2010.

поскольку «эта земля была ареной великих движений народов: скифы, гунны, тюрки, монголы — все оставили здесь память о себе. И потому древние могильники, курганы и памятные камни стали неперенным элементом пейзажа котловины» (Мир Убсунурской котловины, 1994: 3). Потому Юго-Восточная Тува представляет интерес для исследователей как перекресток бурных историко-культурных и этнических процессов, происходивших на данной территории с древних времен и с сохранившимся там тувинско-монгольским двуязычием, что обусловило своеобразный менталитет местного населения и яркий колорит его локальной культуры.

Материалом для статьи послужили полевые записи совместной экспедиции Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований (ТИГПИ) и Института истории (ныне — Институт истории и археологии) Академии наук Монголии в Эрзинский кожуун Республики Тыва в 2011 г., которые хранятся в Научном архиве ТИГПИ (рукописный фонд 2315), а также образцы легенд и преданий, изданные в различных сборниках тувинского фольклора.

Родоплеменной состав населения Юго-Восточной Тувы и владение им тувинским и монгольским языками

Кочевья тувинских родоплеменных групп «в XVII и первой половине XVIII в. охватывали огромную территорию, включавшую в себя целый ряд горных систем и хребтов: Русский и Монгольский Алтай, Западный и Восточный Саян, Танну-Ола и др. На севере районы кочевий тувинцев достигали бассейна Верхней Оби и Минусинской котловины, а на юге они простирались через Монгольский Алтай до верховьев Урунгу, Черного Иртыша, на востоке доходили до оз. Хубсугул, а на западе через Алтай достигали Иртыша» (История Тувы, 2001: 191).

Ныне в Эрзинском и Тере-Хольском кожуунах проживают тувинские родоплеменные группы *кыргыс*, *чооду* и *соян*, в основном, известные как носители монгольского языка. Многие *сояны* (*южные*), проживая на территории Монголии, хотя и были носителями монгольского языка, после переселения в Туву стали постепенно утрачивать монгольский язык и не смогли передать его своим потомкам, в отличие от *кыргысов* и *чооду*, молодое поколение которых имеют представление о монгольском языке. В настоящее время у *соянов* (в частности, *сояны* из Ак-Эрика Тес-Хемского кожууна — месте их наиболее компактного проживания, уже забыли монгольский язык) монгольским языком владеют лишь очень пожилые люди и, в основном, проживающие в Эрзинском кожууне, а молодежь совсем не знает его.

Кыргысы внутри группы различаются на *западных* (проживают в сумонах Нарын, Морен, Сылдыс, Эрзин) и *восточных* (жители местности Качык и далее, расселенные в Тере-Хольском кожууне). Помимо *восточных кыргысов*, живу-

щих вдоль рек Эрзин, Морен, Нарын и в местности Качык-Сайгал Эрзинского кожууна, есть *кыргысы* и в Центральной Туве — Улуг-Хемском кожууне, компактно расселенные в долинах рек Эйлиг-Хем, Сенек, Хендерге и в местечках Улуг-Хая, Ийи-Тал (Маннай-оол, 2004: 112–113; 115). Однако *кыргысы* из Центральной Тувы не владеют монгольским языком.

Исходя из предположения о возможном этническом родстве носителей тувинского этнонима *кыргыс* / *кыргыз* с древнеенисейскими кыргызами, и задаваясь вопросом о времени появления их на территории Тувы, С. И. Вайнштейн на основе различных источников (этнографических исследований, текстов рунических памятников, археологических данных, также устных преданий) пришел к выводу о том, что нынешняя тувинская родоплеменная группа *кыргыс*, «по всей вероятности, это осколки тех кыргызов, которые проникали в Туву в период их наивысшего могущества в Центральной Азии, т. е. в IX в.» (Вайнштейн, 1957: 219).

Как считал Н. А. Сердобов, *кыргысы*, будучи потомками древнейших аборигенов Минусинской котловины — енисейских кыргызов, обитавших там со II в. до н. э. вплоть до начала XVIII в., являются одним из крупных и многочисленных групп, участвовавших в этногенезе тувинцев (Сердобов, 1971: 106–107). Это представление также отражено в «Истории Тувы»: «Группы тувинцев из рода кыргыс, проживающие в юго-восточных и центральном районах Тувы, а также в районе хребта Хан-Когей в Западной Монголии, несомненно, ведут свое происхождение от древних кыргызов IX–XII вв.» (История Тувы, 2001: 153). Историки также утверждают, что могущественный Уйгурский каганат (745–840 гг.), господствовавший на территории Центральной Азии и Саяно-Алтая, в результате двадцатилетней войны в 840 г. был разгромлен енисейскими кыргызами и, «ставка правителя енисейских кыргызов была перенесена в нынешнюю Северо-Западную Монголию южнее гор Танну-Ола (там же: 132–133). Видимо, со времен пребывания древних кыргызов в Западной Монголии в топонимике современного Увс аймака, в том самом районе хребта Хан-Когей (тув. *Хаан-Көгей*, монг. *Хаанхөхий*. — А. Д.), и сохранились названия Хяргас — сумона, компактно населенного народностью баяд и озера Хяргас-нуур, находящемся недалеко от данного населенного пункта.

Е. Д. Прокофьева о *кыргысах* сообщает, что «родная земля Кыргызов, по словам тувинцев — хребты Хан-Хухей в западной части Монголии. Оттуда они пришли в Туву. Загнали их в Туву войны» (там же: 111).

О *соянах* известно, что это многочисленная и широко расселенная этнографическая группа, распространенная «также и на Алтае, среди хакасов, киргизов, алтайских урянхайцев Монголии и халха-монголов» (Гребнев, 1960: 164–165).

Е. Д. Прокофьева об ареале проживания *соянов* писала так: «основной территорией их расселения и была Саянская тайга, как северная, так и восточная,

где они кочевали по обоим склонам, выходя за пределы Сибири в Минусинский край, бассейн реки Тубы и западнее, на левобережье Енисея, а также на восток к оз. Косогол» (Прокофьева, 2011: 90).

Она дала следующую характеристику *соьянам*: «Эти племена были (и в значительной степени остались донныне) прирожденными таежными охотниками, включая охоту на медведя, что отличает их от других охотников-тувинцев. Они же (как и группы Чооду) были оленеводами (кое-где остались ими и ныне). Впоследствии исторические события, бурно протекавшие на территории Тувы и смежных областях Южной Сибири, рассеяли Соян на широкой территории» (там же).

По ее данным, *соьяны* «разделяются на северных (оленеводов), живущих в Тодже и Тере-хөле, и южных, живущих в Эрзине, Тесь-хеме. Предки южных Соян прежде жили на хребте Хан-Хухей, в близком соседстве с монголами (эльчигенами). Они вступали с монголами в брачные отношения, хорошо знали монгольский язык. Здесь был сумон Соян, в который входил хребет Көгей, верховья р. Нарын, оз. Тере-хөль (по монгольски Шара-нур), Бай-хөль. Границей между Соьянами и монголами была р. Хангыльчак, на одном берегу которой жили 600 юрт Соян, на другом — монголы» (там же: 90).

Этноним *соян* известен и в форме *сойот*, который является формой множественного числа в монгольском языке, т. е. переводится как «*соьяны*» (Маннай-оол, 2004: 133).

Современные *соьяны*, в основном, живут в сумонах Ак-Эрик, Кызыл-Чыраа Тес-Хемского кожууна, также частично, в Эрзинском кожууне и люди старше 70-80 лет пока еще хранят память о родине, оставленной им не по своей воле. Но сегодня, как отмечено Б. С. Сонамом, у соянов монгольский язык давно утрачен (Сонам, 1983: 121).

Б. Ч. Дамдын, житель с. Морен Эрзинского кожууна (на фото 2), вот как описал территорию прежних кочевий южных соянов и других родоплеменных групп тувинцев в Монголии:

«Пастбища и кочевья соянов простирались от озера Доре-Нуур, вплоть до хребтов Хан-Когей, Хархираа и перевала Улаан-Даваа. Гора Хан-Когей состоит из трех хребтов — Хан-Когей, Эжен-Когей и Богда-Когей. Это горные местности и есть родина наших предков. Когда началась коллективизация в Туве и Монголии, начиная с 1948 г., соьянам пришлось переселяться все ближе и ближе к внутренней территории Тувы и, в конце концов, большинство из них осело на территории Тес-Хемского кожууна Тувы. Так и постепенно монгольский язык был забыт» (Научный архив Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, Рукописный фонд — далее НА ТИГПИ, РФ 2315: 112–113).

Утрата монгольского языка южными соьянами, живущими в сумонах Ак-Эрик и Кызыл-Чыраа Тес-Хемского кожууна, возможно, произошла по причине

Фото 2. Беседа с Б. Дамдыном. 2011 г.
Photo 2. Talking to B. Damdyn, 2011.

административно-принудительных мер, о чем подтверждают рассказы информантов: «Урд нь тавин жыран жилд биднүүсийг монгол хэл битгий хэлтэн гэдэг. Чүгле тыва хэл хэлтэн гэдэг байсан. Тэгэх биднүүсийг тэгж хорьж байсан идээ (Раньше в 1950-60 гг. нам запрещали говорить на монгольском языке. Говорили, что надо говорить только на тувинском языке. Так нам запрещали...)» (НА ТИГПИ, РФ 2315: 40; информантка Н. Ч. Бавуу).

Ареал проживания группы *чооду*, по мнению Е. Д. Прокофьевой, также был обширным: «на востоке Тувы, по хребту Восточного Саяна, на его восточных и западных склонах, как на севере, так и на юге, проживала группа Чогду-Джокду-Шагда-Чагда и т. п. Остальные представители этой группы жили и живут до последнего времени на территории Тувы, но большая часть живет за ее пределами, за Саянским хребтом. На территории Восточной Тувы живут группы Чооду, а группа Чогду ушла, как мы упоминали выше» (Прокофьева, 2011: 104).

Важными для нас являются обобщения автора, основанные, в том числе, и на устных сообщениях об ушедшей на юг (в Монголию. — А. Д.) части *чооду*: «Чооду потеряли оленей, потеряли связь со своими северными соплеменниками и, вступая в новые связи с другими группами тувинцев и другими народами (монголами), стали скотоводами, земледельцами. В дальнейшем, что лежит на [сохранилось в] памяти стариков, произошло возвращение Чооду из Монголии в южные районы Тувы, где мы сейчас и видим» (там же: 108).

Так, тувинские родоплеменные группы *кыргыс*, *соян*, *чооду* по происхождению и языковой принадлежности признаны исследователями носителями тюркского суперэтнуса.

В то же время сохранившийся до настоящего времени тувинско-монгольский билингвизм же жителей Юго-Восточной Тувы (Эрзина и Тере-Холя) является естественным результатом общей судьбы тюркоязычных тувинцев с монгольскими народами, пережитой через драматические и трагические перипетии древней и средневековой истории.

Одной из главных причин устойчивости бытования монгольского языка у тувинцев данного региона М. Х. Маннай-оол называет тот факт, что они были в подчинении у халхаских князей Алтын-ханского княжества и платили им дань. После поражения в 1688 г. от джунгаров во главе с Галданом Алтын-ханское княжество (Халха) было завоевано Цинской империей, *тувинцы южной части Тувы* оказались под властью хотогойтского князя Бубэя (Маннай-оол, 2004: 106–107). В период Цинской империи этнокультурные связи южных тувинцев с монголами обуславливались как мирными взаимоотношениями, так и общей борьбой против иноземных завоевателей и местных поработителей» (там же: 85).

С установлением новых границ между СССР и МНР и началом коллективизации, власти двух стран начали принимать меры по массовому переселению этнических тувинцев с территории Монголии в Тувинскую АО. Так, часть *соянов*, *кыргысов* и *чооду*, проживавшая вокруг хребта Хан-Когей, была переселена в Туву и утратила родовые кочевья в Западной Монголии. В среде *хотогойтов*, *дархатов*, *баядов*, *дорведов*, *элжгэн-халха*, *хотонов* и других западно-монгольских народов живы рассказы о том, как они кочевали с тувинцами на общей территории и были с ними в тесных связях. Историческая память переселенных (можно сказать, насильно) *соянов* также хранит воспоминания о родных землях, оставшихся по ту сторону границы.

В устной традиции широко бытуют рассказы о соянах, чооду и других, живших на территории Западной Монголии, об истории их переселения в Туву, о том, как в 1960 г. была перекроена карта двух стран — Тувинской автономной области в составе РСФСР (до 1944 г. — Тувинской Народной Республики) и Монгольской Народной Республики. Во время монголо-тувинских комплексных экспедиций в 2012–2015 гг. у *баядов*, *дорведов*, *элжгэн-халха*, *хотонов*, *дархатов* и других народов Западной Монголии (в Завхан, Увс, Ховд аймаках) нами записано много похожих рассказов об общей кочевой территории и их тесных связях с соянами, кыргысами и чооду.

Бытование монгольского языка у юго-восточных тувинцев сегодня является культурным реликтом, придающим своеобразный колорит не только для этой местности, но и для культуры тувинцев в целом. Для сравнения отметим,

что в других приграничных с Западной Монголией Овюрском и Монгун-Тайгинском кожуунах, составляющих южную часть Тувы, население тоже исторически длительно контактировало с монголызычными народами и пользовалось монгольским языком для взаимного общения. По рассказам наших информантов, в том числе С. Ч. Донгака в 2016 г., тувинцы из рода *донгак*, жившие вдоль рек Тээли, Чоза и Улаатай на *чайлагах* (летних стоянках), селились совместно с дорведами и баядами. Совместное кочевание тувинцев и монголов длилось почти до конца 1950-х гг. Дорведы и баяды общались с соседями-тувинцами на их родном языке, так и местные тувинцы говорили на монгольском. Владение тувинским языком на разговорном уровне сохранилось до настоящего времени у части населения Давс (в основном, дорведы), Тэс (баяды) и Сагил (дорведы) сумонов Увс аймака Монголии. В отличие от юго-восточных тувинцев (жителей Эрзина и Тере-Холя), у жителей Овюра и Монгун-Тайги монгольский язык со временем был забыт, и в настоящее время и следа о его бытовании не сохранилось.

Топонимические предания о горах

В локальной устной традиции Юго-Восточной Тувы и сегодня активно бытуют легенды (*тоолчургу чугаа* — сказочное повествование), предания (*төөгү чугаа* — исторический рассказ) и устные рассказы (*болган таварылга* — былички), повествующие о родовых местах, людях и реалиях жизни местного населения, о событиях, происходивших в давние или сравнительно недавние времена в здешних местах. Часто эти тексты носят синкретичный характер из-за смешения различных жанрообразующих элементов, таких как переплетение реального и необыкновенного, сходство сюжетов и образов, обращенность к достоверности, познавательность, отсутствие четких стилевых форм, лаконичность, скудость художественно-изобразительных средств и т. п.

Среди них значительное место занимают рассказы, объясняющие происхождение названий разных географических объектов местности — так называемые топонимические предания. Им присущи следующие черты: отсутствие четкой композиционной структуры, одноэпизодность, локализация места и времени события, ссылка на конкретных свидетелей и участников, ориентированность на историзм и достоверность сведений. Часто главными действующими лицами легенд, преданий и устных историй Эрзина и Тес-Хема, помимо местных жителей, выступают и приезжие люди — монгол, китаец, русский, немец, хакас и т. д., что служит доказательством бурных событий местного масштаба в давние или недавние исторические времена. Нередко упоминаются и буддийские ламы (тувинские, монгольские, тибетские, которые и построили там храм, а местность, где был построен храм, стали называть *Дуганты* — монг. ‘местность, где стоит буддийский *дуган* — храм’), что выглядят

реалиями и персонажами местной истории. В частности, местные жители говорят, что «река Эртинелиг-Хем (иногда так называют реку Эрзин) получила свое название от того, что приезжие тибетский лама, китаец-исследователь, монгольский лама-врачеватель, приехав в эти места, увидели, что там была река с драгоценностями (имеется в виду золотой песок, до недавних пор на реке Эрзин существовал золотой прииск. — А. Д.) Потом они все время задавали местным жителям такой вопрос: “Эта река с драгоценностями?” и так стали называть эту реку — Эртинелиг-Хем» (НА ТИГПИ, РФ 2315: 103–104; информант Г. Б. Ынаалай).

Также из топонимических преданий можно почерпнуть сведения о географии территорий и владений, занимаемых тувинскими племенами. Исторические переселения, взаимные передвижения и связи наглядно отражены и в фольклоре народа. Об этом свидетельствуют сюжеты, повествующие о времени проживания тувинских родов вокруг хребта Хан-Когея и других местностях Западной Монголии (Тыва улустун мифтери ... 2010: 90, 92; Куулар, 1996: 82–84, 86).

Например, предание «Төрүүр-даш» (Рождающий камень) гласит:

«Между отрогами Хан-Когея, перед Барун-Туруном, на северной стороне реки Арыскан, в лощине Чараш-Даш есть темно-коричневый камень размером с юрты. Это драгоценности Хан-Когея. Говорят, его охраняет дух-хозяин местности.

На этом камне есть много дыр, похожие на мышьи норы, будто пальцами проткнули. Из этих дыр вываливаются разные круглые камешки. Когда убирают эти камешки в сторону, то через несколько дней, они снова насыпью лежат. Этот камень носит название “Төрүүр-даш”. Из каждой дыры камня Төрүүр-даш выходят камешки разных цветов, белые, синие, красные, красно-коричневые, зеленые, черные, очень красивые, похожие на овечий помет.

Старики говорили, что этот камень создал дух-хозяин хребта Когея, чтобы дети играли, и он присматривает за ним. Было запрещено трогать этот священный камень и рассказывать чужакам о нем» (Тыва улустун мифтери ... , 2010: 92; здесь и далее перевод наш. — А. Д.).

Характерно то, что в различных рассказах о горе Хан-Когея многие топонимы, гидронимы и оронимы Западной Монголии носят тувинские названия и эти географические объекты обрисованы художественно пышно и топографически четко. По сообщению Д. И. Боодея в 2016 г., ему было около 8 лет, когда в 1945 г. их семью, наряду с другими, переселили с Хан-Когея, и в 1953 г. в возрасте 16 лет, они с братом, тайком, верхом на лошадях, смогли вновь посетить родное кочевье.

В ряде топонимических преданий юго-восточных тувинцев одним из основных звучит мотив спора между тувинцами и монголами из-за территорий, пастбищных угодий, которые периодически происходили между кочевниками.

Сведения Е. Д. Прокофьевой о южных соянах, записанные ею в начале 1950-х гг., подтверждаются и новыми данными, собранными нами — членами экспедиций в Эрзинский кожуун в 2011 и 2014 гг.: «Сояны на монгольском языке говорили чисто. Там (имеется в виду хребет Хан-Когей. — А. Д.) есть реки Баруун-Туруун и Зуун-Туруун. По эту сторону этих рек в основном было заселено тувинцами. Названия Богда-Когей, Хан-Когей, Эжен-Когей — это тувинские названия. Рядом с Баруун-Турууном и Зуун-Турууном, есть такой большой хребет Уянгы. Если спуститься вниз (по склону горы. — А. Д.), то, не доходя до Хангылчыка (реки. — А. Д.), склон горы превращается в болото. Река Хангылчык летом высыхает, а весной становится болотистой» (НА ТИГПИ, Рукописный фонд (РФ) 2315: 115–116; информант Б. Ч. Дамдын).

Хотя почитание горы Хан-Когей, как родины предков очень крепко в сознании и современного поколения южных соянов, в фольклоре происходит постепенное угасание бытования легенд, преданий и рассказов с живописными описаниями горы Хан-Когей. В настоящее время затруднительно отыскать или зафиксировать легенды и предания о Хан-Когее. Мы также констатируем тот факт, что легенды, предания, рассказы о Хан-Когее, бытовавшие в среде монголоязычных южных соянов, вряд ли сохранились на монгольском языке, поскольку прежние собиратели фольклора фиксировали рассказы лишь на тувинском языке. Примечательно то, что среди западномонгольских народов и сегодня сохраняются представления о том, что Хан-Когей — это родина тувинских родоплеменных групп.

Сегодня вустной традиции юго-восточных тувинцев наиболее распространены сюжеты, повествующие о появлении названий местных гор — Улуг Хайыракан, Кыргыз-Тей, Кежеге, Чыргал-Хаан, Огоо-Морен (тув. Өгээ-Мөрөн), Бижиктиг-Хая и других, рек — Эртинелиг-Хем, Морен (тув. Мөрөн), Нарын, Эрзин и т. д. Каждая из гор почитается как покровитель определенного рода.

Так, гора Кежеге считается сакральной для рода соян, гора Чыргал-Хаан — родовой покровитель *кыргызов*, а Огээ-Морен почитаема представителями рода *чооду*.

Обратимся к одному из вариантов топонимических преданий о горе Кежеге:

«Гора Кежеге — эта гора, которая стоит ниже того места, где застава стоит. В древности, в какой-то век, на эту гору взошел мужчина, у которого были прекрасные волосы, заплетенные в виде *кежеге*. Он, видимо, был героем, кто победил в военном сражении и вернулся. Так старшие люди говорили. Говорят, он там смотрел и наблюдал, а потом исчез. Поэтому сояны так называли [гору], в честь его прекрасной косички. По виду, гора как гора. Люди из рода соянов поклоняются ей [горе]. Когда туда ходят, [у них] есть яма для поклонения. Когда зажигают саң (ритуальный жертвенник, сложенный из

трех камней) и поклоняются, то начнет звучать *хей-кеңгирге* (буддийские ритуальные музыкальные инструменты). Считается, что это добрый знак» (НА ТИГПИ, РФ 2315: 238; информант С. А. Дупчур).

В разных рассказах о горе Кежеге, наряду с сюжетообразующим мотивом об ос-тавлении кем-то в древности своей косички на этой горе, можно выделить и другие, в частности, патриотический (мужчина-воин вернулся из войны победителем), этнонимический (возможно, тот мужчина был из рода соянов; эту гору освящают сояны; это земля соянов и т. д.). В другом кратком варианте мотив о косичке звучит так:

«Говорят, в древности один человек на этой горе вывесил свою косичку. Хозяйка горы — женщина на белой лошади. Если поселиться у подножия горы Кежеге, то говорят: и люди, и скот не будут болеть. Вот такое сильное место, так сказал один большой лама — буддийский священник» (НА ТИГПИ, РФ 2315: 269; информантка Б. Д. Додук).

При описании образа горы Кежеге, наряду с художественными эпитетами, описывающими ее красоту: *өг дег төгерик* — ‘круглая, как юрта’, *хөөлбектиг* — ‘с лужицами’, *көктүг-шыктыг* — ‘с зеленой травой-растительностью’, *катчимистиг* — ‘ягодная-фруктовая’ и т. д., рассказчики часто прибегали и к другим, характеризующих его крутой нрав: *коргунчуг* — ‘страшная’, *айыылдыг* — ‘опасная’, *кадыг-дошкун* — ‘жесткая-жестокая’, *күштүг* — ‘сильная’ и т. д. Нельзя было охотиться на животных, обитающих на горе Кежеге — *тарбаганов* (сурков) и *те-чунма* (горных козлов). Рассказывают, что один человек ослушался запрета: убил тарбагана и когда начал варить его мясо, то умер на месте. Местные скотоводы верят, что если случить домашних коз с дикими, которые водятся на горе Кежеге, то их поголовье вырастет.

Название высокой горы Ак-Хайыракан — Белое-Божество (фото 3), расположенной недалеко от села Морен в Эрзинском кожууне, произошло не только из-за *аржаана* — лечебного источника, который течет с ее вершин, но из-за огромных валунов белого цвета. Она также признана сакральной вместе животными, которые там обитают: те-чунма, змеями и т. д. Символика белого цвета распространяется также на диких коз, которых местное население называет не иначе, как *ак-өшкүлер* — белые козы. Хотя по первому смыслу слово «хайыракан» в тувинском языке означает «медведь», в шаманской практике и в традиционных религиозно-магических представлениях народа распространено и второе значение — почтительное обращение к Всевышнему, некоему высшему существу, которое обозначает «божество» (Тувинско-русский словарь 1968: 468).

Одни считают, что дух-хранитель горы — молодая девушка, и потому женщинам нельзя подниматься на вершину этой горы. Другие же рассказывают, что гору охраняют змеи.

*Фото 3. Гора Ай-Хайыракан. Фото М. Кунгаа.
Photo 3. Ai Khaiyrakan Mountain, photo by M. Kungaa.*

Топонимические предания об озерах

Другой объект топонимических преданий Юго-Восточной Тувы — озера *Торе-Хол* (тув. *Төре-Хөл* или по-монг. *Дөре-Нуур*) (фото 4) и *Тере-Хол* (тув. *Тере-Хөл*).

Торе-Хол — небольшое пресноводное озеро в степи на территории Эрзинского кожууна, по южному берегу которого в настоящее время обозначена государственная граница России и Монголии. Местные жители слагали о нем легенды и предания не только за красоту и уникальность, но и за удобное для водопоя скота расположение посреди песчаных барханов. Ценится прозрачная, чистая вода озера, которую можно употреблять как питьевую.

Один из вариантов топонимической легенды о появлении озера *Торе-Хол* выглядит контаминацией двух сюжетов: об озере *Торе-Хол* и горах *Улуг-Хайыракан* и *Биче-Хайыракан*. Оба сюжета довольно широко распространены среди эрзинцев и тес-хемцев. Приведем содержание легенды, которую мы записали со слов информантки А. Ч. Комбу:

«В древности монголы, которые жили в степи, сосватали девушку из таежной местности. Наша земля была сплошь покрыта льдом, как на севере сейчас и было море. Так люди родом из степи пришли и взяли очень красивую

*Фото 4. Берег озера Торе-Хол. Фото А. Папына, 2010 г.
Photo 4. Bank of Lake Tere-Khol, photo by A. Papun, 2010.*

даңгыну (дочь правителя. — А. Д.) и увезли. Когда ее взяли в жены, увезли, то девушка родом из водных и таежных мест, пожив в степи, заскучала по родине. Тогда она отправила весть домой: “Живя в этом жарком месте, я испытываю жажду. Мне нужна вода. Мне нужен блестящий холодный лед”.

Чтобы отвезти сестре, ее брат навьючил лед на лошадь и скакал так стремительно, что расстояние в год, преодолевал за сутки. Когда он ехал, то на песках, где сейчас стоит озеро, лед растаял, и через стремя его лошади, упал, расколовшись на две части. Меньшая часть выпала на той стороне (монгольской — А. Д.), большая часть упала на этой стороне (тувинской — А. Д.). Поэтому озеро Торе-Хол называли так, т. к. лед упал со стремени (*дөрээ*¹ — монг. ‘стремя’») (НА ТИГПИ, РФ 2315: 274–275).

Далее в фабулу повествования вкрапляется ряд мотивов — о появлении реки Тес, гор Большой и Малый Хайыраканы и озера Успа-Нуур. Рассказ завершается генеалогической концовкой о происхождении западномонгольской народности *дорвед* (монг. *дөрвөд*):

¹Торе-Хол — это тувинский фонетический вариант монгольского слова «дөрээ».

«Чтобы оставить ту красивую девушку, задумались, и решили превратить реку Тес в озеро. Когда стали так делать, то река Тес не послушалась и устремилась в Туву. Чтобы преградить, возвели гору Хайыракан, но река не отступилась, раздвоилась и побежала. Так появились горы Большой и Малый Хайыраканы. Тогда задумались, и чтобы река на юг не текла, прорыли землю и пустили воду под землю, так появилось озеро Успа-Нур. Когда поселили девушку у озера Успа-Нур, она радовалась: “Вот Когей гора похожа на мою родину Танды-Ула”. Вот от нее и пошли дети, похожие на мать, красивые, белолицые, с зеленоватыми глазами. Поэтому их и прозвали дорведами. Ведь дорведы же немножко отличаются по внешности и языку от халха-монголов, у них волосы тонкие, лица белые, зеленоватые глаза...» (там же).

Примечательно, что мотив сватовства монголами девушки из таежной местности известен и из других вариантов: «в древности [горные хребты] Танды и Хан-Когей решили породниться. Танды отдал свою дочь за сына Хан-Когея» (Тыва улустун мифтери ... , 2010: 86–87).

Между тем в юго-восточной локальной традиции бытовали и другие предания, связанные с названием озера Торе-Хол, в которых вырисовывается более реалистичная картина жизни народа и отражены страницы историко-культурных и социально-экономических взаимоотношений тувинцев и монголов, которых можно определить как исторические предания. Их сюжеты строятся на мотивах о родовых кочевьях и территориях с упоминанием исторических лиц, внесших свою лепту в сохранение и закрепление этих земель за тувинцами.

В частности, называется человек по имени Бургутей из рода *соян* (тув. Бүргүтей, в отдельных текстах — Бүргүт-Чаңгы, Кара-Мончаа и т. д.), звучат и другие исторические имена: монгольского правителя Эртине-Мергена, маньчжурского императора Манчы-Хана и т. д.

В одной из таких версий предания основное ядро сюжета выглядит так:

«Прежде озеро носило другое название и издревле принадлежало тувинцам. Тувинский род *соян* занимал земли от левого берега реки Тес-Хем и до хребта Хан-Когей. Монголы искали пастбища с хорошей травой и водопоем и начали спорить с тувинцами, требуя отдать это озеро. Тувинцы пожаловались Маньчжурскому хану (императору). Хан спросил у тувинского *чаңгы* по имени Бургутей: “Какого размера это ваше озеро?” Тот ответил: “Озеро размером со стремя и расположено оно между маленькими пригорками Хан-Когей и Агар”. Затем добавил по-монгольски: “Дөрийн таваг шиг (монг. размером со стремя. — А. Д.) — озеро размером со стремя”. С тех пор это озеро стали называть Дөрээ-Нуур — Төре-Хөл. То, что он говорил — озеро между пригорками — так он имел в виду хребет Хан-Когей и гору Агар» (Тыва улустун мифтери ... , 2010: 90; курсив наш. — А. Д.).

В другом варианте предания звучит похожий мотив о споре между тувинцами и монголами из-за территорий, пастбищных угодий:

«Раньше возникал спор о землях вокруг хребта Хан-Когей и озера Торе-Хол. Один тувинец высказался:

“Говорите так о хребте Когей,
Будто там много людей могут ужиться [поместиться],
А спорите из-за пригорка размером с кукушки!
Говорите так об озере Торе-Хол,
Будто возле него много *аалов*¹ могут летовать,
А спорите из-за лужи размером со стремя!” —

так сказав, он забрал эти земли. С тех пор озеро стало называться Доре-Хол и Эзенги-Хол (с тув. Стремя-озеро. — А. Д.)» (Куулар, 1996: 87).

Тот же мотив о территориальных спорах наглядно вырисовывается и в следующем варианте:

«Вот как появилось озеро Торе-Хол. Раньше здесь были два маленьких солончаковых озера. Грязевые, грязью даже лечились. Было так. Потом люди двух наших стран — Монголии и Тувы между собой поспорили, начали соперничать. Наградой назначили скакуна.

Человек по имени Кара-Мончаа, отстаивая свою землю, сказал следующее: “Зачем вам это озеро? Это же две лужицы размером со стремя!”. Но, год за годом, озеро становилось все больше и больше» (НА ТИГПИ, РФ 2315: 115; информант Б. Ч. Дамдын).

Следует сказать, что в отличие от монголоязычных эрзинцев, тере-хольцев, жители центральных и западных кожуунов Тувы в силу незнания монгольского языка, не всегда различают названия озер Доре-Хол (монг. *дөрөө* — ‘стремья’; тув. *хөл* — ‘озеро’, букв. «Стремя-озеро») и Тере-Хол (монг. *тэр* — указат. частица ‘то’, т. е. «То озеро»), расположенного в Тере-Хольском кожууне. Для многих тувинцев эти фонетико-языковые нюансы неразличимы и оба названия звучат для не носителей монгольского языка почти одинаково.

Легенда об озере Тере-Холь, на котором сохранились развалины древнеуйгурской крепости Пор-Бажын (предположительно VIII–IX вв. н. э.), часто является связанной со сказочным сюжетом о царе с ослиными ушами. Существуют самые различные варианты данной легенды, и она имеет широкое бытование до настоящего времени. Его рассказывают в Эрзине и Тере-Холе и стар, и млад (Донгак, 2015: 221–223).

Во время тувинско-монгольской экспедиции в Эрзинский кожуун в 2011 г. нами была также записана легенда о духе-хозяйке Танды-Тыва на тувинском и монгольском языках:

¹ Поселение кочевников, состоящее из одной или несколько юрт.

«В древности было так, что на землю Тувы с севера нападали желтые русские, с юга черные калга (халха-монголы. — А. Д.). Хозяйкой Тувы была неопикуемой красоты молодая женщина. Поэтому люди и с севера, и с юга хотели завоевать ее сердце вместе с землей и всегда шли с войной. Когда задумалась о том, как же защититься от них, то оказалось, что нужны высокие преграды, которые закрывали бы.

Чтобы защититься с севера, она возвела Саянские хребты, чтобы защититься с юга, возвела хребты Танну-Ола, чтобы защититься с запада, возвела Алтайские горы, чтобы защититься с востока, возвела хребет Сенгилен, и так окружив, сделала страну Тыва, похожую на колыбель и дангына осталась жить вместе со своим народом.

С тех пор, с севера люди не могли преодолеть, замерзали на вершине Саянских гор, с юга не могли преодолеть, застревали на крутых перевалах и возвращались назад, так и с Алтайскими и Сенгиленскими хребтами. Вот такие четыре защитные хребты есть в Туве. Поэтому, говорят, что это награда бургана - Будды. И говорили, что это буян — добродетель, полученная от бургана как награда. Говорят, в древности Туву называли Кавай-Чер — Земля-Колыбель» (НА ТИГПИ, РФ 2315: 276; информантка А. Ч. Комбу).

Отметим, что почитание духов-хозяев земли, обожествление природных объектов, будучи тесно связанными с общим мифологическим мировосприятием населения, характерно для большинства произведений сказочной прозы Юго-Восточной Тувы. Эти представления распространены в традиционной культуре тувинцев в целом.

Заключение

Одним из объективных факторов, повлиявшим на формирование локальных особенностей фольклора, в частности, легенд и преданий Юго-Восточной Тувы, являются тесные исторические и хозяйственно-культурные взаимоотношения местного населения с монгольскими народностями. Поскольку легенды и предания юго-восточных тувинцев тесно связаны с историей народа, они могут служить дополнительным источником при исследовании вопросов этнического происхождения и историко-культурного развития народов. Другой особенностью локального фольклора юго-восточных тувинцев можно считать то, что он гармонично складывался и бытовал в условиях тувинско-монгольского двуязычия.

Люди общаются как на тувинском, так и на монгольском языках. Сегодня монгольский язык юго-восточных тувинцев как явление нематериального культурного наследия нуждается в дальнейшем сохранении, развитии и популяризации, поскольку он придает неповторимые черты локальной этнокультурной традиции населения Юго-Восточной Тувы. Также фольклорные

произведения юго-восточных тувинцев на монгольском языке являются оригинальным пластом наследия устного народного творчества. Как известно, подобного культурно-языкового, фольклорного явления не наблюдается у других тюркоязычных народов Саяно-Алтая. Специальное рассмотрение легенд и преданий Юго-Восточной Тувы, в том числе топонимических, в сопоставлении с общетувинской традицией и традициями соседних монгольских народов в дальнейшем может являться весьма интересной и перспективной проблематикой.

Устные рассказы людей старшего поколения, примеры которых представлены в нашей работе, ценны тем, что передают древние названия многих географических местностей, гор, рек, озер и родовых кочевий, находящихся в настоящее время на территории другого государства, где они, возможно, уже забыты или переименованы. Потому фиксация таких преданий важна и как устная история отдельных родоплеменных групп тувинцев, и как показатель тесных исторических контактов пограничных районов Тувы и Монголии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вайнштейн, С. И. (1957) Об исторических границах расселения кыргызов в Южной Сибири // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Вып. V. Кызыл : Тувинское книжное издательство. С. 215–219.

Гребнев, Л. В. (1960) Население Тувы в начале XIII в. // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Вып. VIII. Кызыл : Тувинское книжное издательство. С. 164–165.

Донгак, А. С. (2015) Сюжетно-тематические циклы топонимических преданий Юго-Восточной Тувы // REOSIANAG. Journal of Institute for Russian and Altaic Studies. № 11, February. P. 213–228.

Донгак, А. С. (2016) Топонимические предания и легенды Юго-Восточной Тувы: локальное своеобразие в русле межкультурных контактов // I Сибирский форум фольклористов : тезисы докладов / отв. ред. Е. Н. Кузьмина. Новосибирск : ООО «Ака-демиздат». 188 с. С. 54–56.

История Тувы (2001) / под ред. В. А. Ламина. 2-е изд. Новосибирск : Наука. 366 с.

Куулар, Д. С. (1996) Кыс-Халыыр: Тыва улустуң тоолчургу болгаш төөгү чугааларының чыыжызының катап үндүрүлгези [Девичья скала : Тувинские народные легенды и предания] / Куулар Д. С., Куулар Ч. Ч. Кызыл : Тувин. кн. изд-во. 157,[2] с. (На тув. яз.).

Маннай-оол, М. Х. (2004) Тувинцы: происхождение и формирование этноса. Новосибирск : Наука. 165 с.

Мир Убсунурской котловины (1994) : альбом. Новосибирск : Издательство СО РАН. 155 с.

Прокофьева, Е. Д. (2011) Процесс национальной консолидации тувинцев. СПб. : Наука. 535 с.

Сердобов, Н. А. (1971) История формирования тувинской нации. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 482 с.

Сонам, Б. С. (1983) О лексических особенностях монгольского языка юго-восточных тувинцев // Вопросы тувинской филологии : сборник статей / редкол.: Д. А. Монгуш (отв. ред.) и др. Кызыл : б. и. 159 с. С. 119–126.

Тыва улустун мифтери болгаш тоолчургу чугаалары [Тувинские легенды и мифы] (2010) / сост. А. Д. Арапчор. Кызыл : ТывНУЧ. 180 с. (На тув. яз.).

Тувинско-русский словарь (1968) / под ред. Э. Р. Тенишева. М. : Изд-во «Советская» энциклопедия». 646 с.

Дата поступления: 25.05.2018 г.

REFERENCES

Vainshtein, S. I. (1957) Ob istoricheskikh granitsakh rasseleniia kyrgyzov v Iuzhnoi Sibiri [On the historical boundaries of the settlement of the Kyrgyz people in southern Siberia]. *Uchenye zapiski TNIIIaLI*, vol. V. Kyzyl, Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo. Pp. 215–219. (In Russ.).

Grebnev, L. V. (1960) Naselenie Tuvy v nachale XIII v. [The population of Tuva in the early 13th century]. *Uchenye zapiski TNIIIaLI*, vol. VIII. Kyzyl, Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo. Pp. 164–165. (In Russ.).

Dongak, A. S. (2015) Siuzhetno-tematicheskie tsikly toponimicheskikh predanii Iugo-Vostochnoi Tuvy [Thematic cycles of toponymic legends of South-Eastern Tuva]. REOSIAHAG. *Journal of Institute for Russian and Altaic Studies*, no. 11, February, pp. 213–228. (In Russ.).

Dongak, A. S. (2016) Toponimicheskie predaniia i legendy Iugo-Vostochnoi Tuvy: lokal'noe svoeobrazie v rusle mezhkul'turnykh kontaktov [Toponymic legends and tales of South-Eastern Tuva: local identity in the mainstream of intercultural contacts]. In: *I Sibirskii forum fol'kloristov [I Siberian forum of folklorists]: abstracts* / ed. by E. N. Kuz'min. Novosibirsk, OOO «Akademizdat». 188 p. Pp. 54–56. (In Russ.).

Istoriia Tuvy [The History Of Tuva] (2001) / ed. by V. A. Lamin. 2nd ed. Novosibirsk, Nauka. 366 p. (In Russ.).

Kuular, D. S. (1996) *Kys-Khalyyr: Tyva ulustun toolchurgu bolgash tөөгү chugaalaryнун chyuzhyzynun katap yndyrylgezi [Rock girls: Tuvan folk legends and legends]* / Kuular D. S. and Kuular Ch. Ch. Kyzyl, Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo. 157, [2] p. (In Tuv.).

Mannai-ool M. Kh. (2004) *Tuvintsy: proiskhozhdenie i formirovanie tuvinskogo etnosa [Tuvans: the origin and formation of the Tuvan ethnos]*. Novosibirsk, Nauka. 166 p. (In Russ.).

Mir Ubsunurskoi kotloviny [The world of Ubsunur Hollow] (1994) : album. Novosibirsk, SO RAN Publ. 155 p. (In Russ.).

Prokof'eva, E. D. (2011) *Protsess natsional'noi konsolidatsii tuvintsev [The Process of National Consolidation of the Tuvans]*. St. Petersburg, Nauka. 538 p. (In Russ.).

Serdobov, N. A. (1971) *Istoriia formirovaniia tuvinskoii natsii [The history of the formation of the Tuvan nation]*. Kyzyl, Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo. 482 p. (In Russ.).

Sonam, B. S. (1983) O leksicheskikh osobennostiakh mongol'skogo iazyka iugovostochnykh tuvintsev [On the lexical features of the Mongolian language of the South-Eastern Tuvans]. In: *Voprosy tuvinskoii filologii [Questions of Tuvan Philology]*: collection of articles / Editorial board: D. A. Mongush (ed.) et al. Kyzyl, s. n. 159 p. Pp. 119–126. (In Russ.).

Tuva ulustun miferi bolgash toolchurgu chugaalary [Tuvan legends and myths] (2010) / comp. by A. D. Arapchor. Kyzyl, TyvNYCh. 180 p. (In Tuv.).

Tuvinsko-russkii slovar' [A Tuvan-Russian Dictionary] (1968): c. 22000 words / ed. by E. R. Tenishev. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia. 465 p. (In Russ. and Tuv.).

Submission date: 25.05.2018.

Список информантов

1. Бавуу Норбу Чымчаковна (1938 г. р.) из восточных кыргысов. Занималась животноводством, работала дояркой в колхозе, владеет монгольским языком, пенсионерка. Место записи — сумон Нарын Эрзинского кожууна, РТ, 21 июня 2011 г. Запись хранится в НА ТИГПИ, РФ 2315.

2. Боодей Дадар Идамович (1937–2018), из рода кара соян, занимался скотоводством. Владеет монгольским языком, пенсионер. Место записи — г. Кызыл, октябрь 2016 г. Запись хранится в личном архиве А. С. Донгак.

3. Дамдын Борагай Чызылаевич (1942 г. р.), из рода ак соян. Занимался скотоводством, пенсионер. Владеет монгольским языком. Место записи — местечко Оваа-Сайыр, с. Морен, Эрзинского кожууна, РТ, 26 июня 2011 г. Запись хранится в НА ТИГПИ, РФ 2315;

4. Додук Балчитмаа Дамыраевна (1931 г. р.), из рода соян. Владеет монгольским языком, до 12 лет не говорила на тувинском языке. Место записи — с. Эрзин Эрзинского кожууна Тувы, 27 июня 2011 г. Запись хранится в НА ТИГПИ, РФ 2315;

5. Донгак Саар-оол Чанзанович (1939–2018), из рода донгак. Образование высшее, работал учителем истории и географии. Место записи — с. Хандагайты Овюрского кожууна Тувы, июль 2016 г. Запись хранится в личном архиве А. С. Донгак.

6. *Дупчур Суге Ажаевич* (1938 г. р., из рода чооду. Охотник и скотовод, работал киномехаником, радистом, играет на разных музыкальных инструментах. Место записи — с. Нарын Эрзинского кожууна Тувы, 21 июня 2011 г. Запись хранится в НА ТИГПИ, РФ 2315);

7. *Ынаалай Григорий Божаевич* (1955 г.р., из рода хожаа, его бабушка родом из местности Баруун-Туруун (в настоящее время сумон Увс аймака Монголии), образование среднее, работал разнорабочим, ныне на пенсии. Место записи с.Морен Эрзинского кожууна Тувы, 26 июня 2011 г., запись хранится в НА ТИГПИ, РФ 2315);

8. *Комбу Алдын-кыс Чамзырыновна* (1940 г. р., из рода кыргыс. Образование высшее, работала на руководящих должностях в органах исполнительной власти. Место записи — с. Куран Тес-Хемского кожууна Тувы, 29 июня 2011 г. Запись хранится в НА ТИГПИ, РФ 2315).

List of informants

1. *Norbu Chymchakovna Bavuu* (b. 1938, of the house Eastern Kyrgys). Worked in cattle breeding, as a dairy maid on a collective farm, now a pensioner. Speaks Mongolian. Recorded on June 21, 2011, at sumon Naryn, Erzin kozhuun. Recording preserved at NA TIGPI, RF 2315.

2. *Dadar Idamovich Boodei* (1937-2018, from the house Kara Soyan). A herdsman, now a pensioner. Speaks Mongolian. Recorded in October 2016, Kyzyl. Recording preserved at A.S. Dongak's personal collection.

3. *Boragai Chyzylaevich Damdyn* (b. 1942, from the house Ak Soyan). A herdsman, now a pensioner. Speaks Mongolian. Recorded on June 26, 2011, settlement Ovaa Sayyr, village Moren, Erzin kozhuun, Tuva. Recording preserved at NA TIGPI, RF 2315.

4. *Balchitmaa Damyrayevna Doduk* (b. 1931, from the house Soyan). A speaker of Mongolian, until 12 did not speak Tuvan. Recorded on June 27, 2011 at village Erzin, Erzin kozhuun. Recording preserved at NA TIGPI, RF 2315.

5. *Saar-ool Chanzanovich Dongak* (1939-2018, from the house Dongak). A university graduate, worked as a school teacher of history and geography. Recorded in July 2016 at village Khandagaity, Ovyur kozhuun, Tuva. Recording preserved at A. S. Dongak's personal collection.

6. *Suge Azhaevich Dupchur* (b. 1938, from the house Choodu) Hunter and herdsman, worked as a radio operator and movie technician, plays a number of musical instruments. Recorded on June 21, 2011 at village Naryn, Erzin kozhuun, Tuva. Recording preserved at NA TIGPI, RF 2315

7. *Grigory Bozhaevich Ynaalai* (b. 1955, from the house Khozhaa, his grandmother came from Baruun-Taruun, now a sumon in Uvs aimak, Mongolia). Finished school,

worked as a handyman, currently a pensioner. Recorded on June 26, 2011 at village Moren, Erzin kozhuun, Tuva. Recording preserved at NA TIGPI, RF 2315.

8. *Aldyn-kys Chamzyrynovna Kombu* (b. 1940, from the house Kyrgys). Has a university degree, worked at high positions at local institutions of executive power. Recorded on June 29, 2011 at village Kuran, Tes-Khem kozhuun, Tuva. Recording preserved at NA TIGPI, RF 2315.

Для цитирования:

Донгак А. С. Топонимические предания и легенды Юго-Восточной Тувы [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2018, № 3. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/793> (дата обращения: дд.мм.гг.). DOI: 10.25178/nit.2018.3.9

For citation:

Dongak A. S. Toponymic Legends of South-Eastern Tuva. *The New Research of Tuva*, 2018, no. 3 [on-line] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/793> (accessed: ...). DOI: 10.25178/nit.2018.3.9